

Научная статья

УДК 316.74

doi: 10.17223/1998863X/65/14

В ПОИСКАХ ОРИЕНТИРОВ КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ. ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА, ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРОГРАММЫ И ИДЕНТИЧНОСТЬ МОЛОДЕЖИ

Вячеслав Дмитриевич Попков^{1,2}, Екатерина Анатольевна Попкова³

¹ *Институт социальных исследований и аналитики, Калуга, Россия*

² *Институт управления, бизнеса и технологий, Калуга, Россия, v-831p@yandex.ru*

³ *Всероссийский государственный университет юстиции (ПИА Минюста России),
Калуга, Россия, ekaterina-a-popkova@yandex.ru*

Аннотация. Предлагается анализ социальных установок групп российского учительского сообщества и старшеклассников по отношению к трактовкам периода распада Российской империи и становления советского государства, которые используются для формирования идентичности подрастающего поколения. Рассматриваются исторические конструкты, используемые в современных образовательных программах. Делается вывод, что сегодняшние образовательные программы не предлагают такую схему видения и анализа исторических трансформаций прошлых эпох, которая позволила бы получить неконфликтное восприятие общественных и политических разрывов.

Ключевые слова: идентичность, культура, образовательные программы, историческая политика

Благодарности: Авторы выражают глубокую признательность Российскому гуманитарному научному фонду (РГНФ) за оказание поддержки при проведении данного исследования. Проект № 14-13-40005а(р).

Для цитирования: Попков В.Д., Попкова Е.А. В поисках ориентиров культурной памяти. Историческая политика, образовательные программы и идентичность молодежи // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 65. С. 141–153. doi: 10.17223/1998863X/65/14

Original article

IN SEARCH OF CULTURAL MEMORY LANDMARKS. HISTORICAL POLICIES, EDUCATIONAL PROGRAMS, AND YOUTH IDENTITY

Viacheslav D. Popkov^{1,2}, Ekaterina A. Popkova³

¹ *Institute of Social Research and Analytics, Kaluga, Russian Federation*

² *Institute of Management, Business and Technology, Kaluga, Russian Federation,
v-831p@yandex.ru*

³ *All-Russian State University of Justice, Kaluga Branch, Kaluga, Russian Federation,
ekaterina-a-popkova@yandex.ru*

Abstract. The article analyzes several historical narratives used for forming national identity among the young generation of Russia. The authors consider the most essential mental historical constructions mentioned in the current educational programs. These constructions are supposed to make the basis for the cultural memory of the Russian society and to form

the image of the past epochs at a group level. The research work is based on qualitative methodology using methods of focus-groups and thematically-centered interviews. The selection was done by the “snowball” method. The analytical data present the results based on the material collected in four focus-groups and 40 thematically-focused interviews conducted in groups of secondary school teachers and 10- and 11-graders. The authors emphasize the existence in educational programs of alternative approaches to the split of the Russian Empire and historical heroes of that epoch, which focus on the lack of analytical frameworks for “remembering” and present historical narratives. The young generation do not perceive all the complexity of evaluations in the historical perspective of their own country and tend to accept any suggested context. In this respect, the common nature of identity, its essential grounds are beyond the logical understanding and may be shortly and easily formed (destroyed) among the young with regards to the necessary concept. The authors conclude that the concept of the Russian identity does not gain sufficient historical continuity and does not propose a scheme for analyzing historical transformations enabling young people to get a conciliatory view of social and political gaps of the past epochs.

Keywords: identity; culture, cultural memory; educational programs; identity formation; historical policy

Acknowledgments: We would like to warmly thank Russian Humanitarian Scientific Foundation for support of the research work. Project number 14-13-40005 a(p).

For citation: Glazkova, A.V., Sokova, Z.N. & Kruzhinov, V.M. (2022) Predicting political views in social media: VKontakte as a case study. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 65. pp. 141–153. doi: 10.17223/1998863X/65/14

Введение в проблему

Распад СССР и последующий процесс демонтажа системы советского образования постепенно привел к нивелированию советской идентичности и затронул всех без исключения граждан бывшего Советского Союза. Основной удар пришелся на молодое поколение ныне независимых государств, которое оказалось в ситуации «идентификационного вакуума».

Выйти из этой ситуации политические элиты независимых стран бывшего СССР пытались разными путями. Общим являлось то, что во всех странах предпринималась попытка формирования новых культурных смыслов и новых ориентиров для различных групп бывших советских граждан и их детей, связанных ранее едиными культурными практиками. Особое внимание стало уделяться формированию идентичностей по критерию нового политического гражданства, а также по этническим и религиозным маркерам. Поэтому в содержании образовательных программ стран бывшего СССР стала ярко проявляться актуализация этнических, региональных, политических, религиозных и других особенностей, характерных, по мнению авторов этих программ, для населения той или иной независимой страны. Чаще всего речь шла об искусственной «этнизации» и «регионализации» больших частей постсоветского социума. Как следствие, характерной особенностью, встречающейся в образовательных политиках многих новых государств, было этническое и политическое «отталкивание» от современной России как наследницы СССР и Российской империи, которое использовалось в качестве способа конструирования собственных новых идентичностей.

В российских реалиях подобное решение проблемы построения новой идентичности не могло оказаться приемлемым. Здесь акцент был сделан на поиск общекультурных оснований, которые могли бы стать основой для новой идентичности молодых россиян.

Были разработаны учебные программы, цель которых – не только дать информацию, но и повлиять на формирование идентичности учащихся. При этом предпринимались попытки обозначить ценностные основания российской идентичности с опорой на актуальную историческую и культурную политику, выстроить приоритеты в трактовках исторических событий, культурных ориентиров и оценках политических акторов прошедших эпох.

Основная проблема, с которой пришлось столкнуться, заключалась в возможности выбора между различными ценностными основаниями, используемыми для построения российской идентичности, берущими свои истоки, как в советских, так и в досоветских культурных моделях, что открывает перспективу для формирования взаимоисключающих конфликтных идентичностей, привнося деструктивный потенциал в развитие общества.

Цель работы

В статье ставилась цель проанализировать некоторые социальные установки российского учительского сообщества и старшеклассников по отношению к трактовкам периода распада Российской империи и становления советского государства, которые присутствуют в современных образовательных программах по гуманитарным наукам и используются для формирования идентичности подрастающего поколения. В данной работе мы остановились на одном из наиболее важных событий российской истории – Октябрьской революции / перевороте 1917 г., получившем после распада СССР диаметрально противоположные интерпретации в российском обществе. Этот исторический период видится нами как один из ключевых для российского социума, как и период начала 1990-х гг., когда Россия вновь пережила резкий политический поворот и смену идеологий. Важным было понять, каким образом происходит актуальная «перезагрузка» исторической памяти в нынешней ситуации и как этот процесс соотносится с сегодняшними российскими реалиями.

Состояние дискуссии и используемая методология

Анализируя российский дискурс национальной идентичности, можно выделить два вектора, в направлении которых развиваются дискуссии о возникновении идентичности больших социумов: государственно-гражданское направление [1, 2] и этнокультурная перспектива [3, 4]. Некоторые авторы делают акцент на государственной составляющей идентичности, полагая, что в общенациональной идентичности доминирует как раз она, поскольку индивиды ощущают себя, скорее, подданными государства, от которых в жизни страны ничего не зависит [5. С. 250]. В позиции Л.М. Дробижевой можно найти объяснение такой ситуации. Как полагает автор, «термин „российская идентичность“ может иметь разное значение в понимании людей. В силу сложившихся исторических традиций в стране это может быть и государственным, и гражданское самосознание <...>. В России же представление о гражданском сообществе как политической нации только складывается, и нередко люди, отвечая на вопрос о гражданской идентичности, имеют в виду именно принадлежность к государству» [6. С. 22–23].

В данном случае важно отметить, что в позициях исследователей государственно-гражданское понимание идентичности непосредственно связыва-

ется с государством как политическим образованием, подразумевая в том числе и (политическую) лояльность государству, которую оно может использовать как ресурс своего развития. Такое понимание российской идентичности содержит в себе некоторые риски. Во-первых, если рассматривать вариант построения идентичности через политическую лояльность государству, то в современных российских реалиях, как, впрочем, и остальных постсоветских государств, этот вариант идентичности видится как «одномоментный», поскольку подразумевает лояльность не к государству как символу, а как к текущему политическому режиму. В рамках такого подхода важным становится достижение лояльности в первую очередь к конкретной политической системе, которая здесь и сейчас олицетворяет государство. Следовательно, во-вторых, нужно принимать во внимание размытость критериев лояльности государству и определение сфер политической и общественной жизни, для которых эта лояльность будет считаться ключевой.

Другое направление, на которое обращают внимание исследователи, – этнокультурное понимание идентичности [7, 8]. В данном случае акцент ставится на этнические и / или культурные характеристики группы, которые чаще всего рассматриваются неразрывно. Авторы оперируют понятиями этно-религиозной [9] или этнополитической [10] идентичности, однако этническая составляющая в том или ином виде присутствует в анализе. Например, Г.А. Морзавченков понимает под этнокультурной идентичностью «осознание своей принадлежности к той или иной этнической общности на основании общей территории проживания, устойчивых особенностей культуры и языка» [11. С. 140]. Этнокультурная идентичность чаще всего рассматривается синонимично этнической идентичности, при этом авторы считают ее формирование необходимым условием для возникновения российской идентичности.

Рассмотрение этнического концепта как основы для формирования государственной идентичности и национального (в смысле этнического) государства в настоящее время нехарактерно для российского научного поля, однако эта тема достаточно часто присутствует в академическом и политическом дискурсе постсоветских стран. Поэтому при попытках создания новых идентичностей ставка делается как раз на этничность и «историческую перспективу» видения новой этничности, позволяя создавать коллективный образ прошлого с проекцией на реальную ситуацию.

Используемое понятие этнокультурной идентичности является двухкомпонентным и увязывает между собой этничность и культуру эклектически, не принимая во внимание того, что представители разных этничностей могут быть социализированы в рамках одной и той же культуры, т.е. никак не отличаться друг от друга в ментальном и поведенческом плане. Учитывая тезис Ф. Барта о том, что «этнические группы сохраняются как значимые единицы лишь постольку, поскольку существует маркированное отличие в поведении, т.е., поскольку существуют постоянные культурные различия» [12. С. 18], следует предположить, что этничность не является определяющим маркером, позволяющим различать группы. Данная идея ложится в канву теории Р. Брубейкера, который, анализируя процессы возникновения этничности, предложил отделять этничность от ее носителей, говоря об *этнизации* групп [13. С. 22–23].

В этой связи этничность видится нам как недостаточно «тонкий инструмент» для формирования национальной идентичности. Более того, применительно к российским реалиям обращение к этничности вредно, поскольку подчеркивание (вольное или невольное) этнических границ только тормозит процессы консолидации социума. Тем не менее не замечать важность фактора этничности в российском обществе и в постсоветских обществах было бы непростительной ошибкой, тем более что он в массовом сознании может увязываться с историческими событиями в более широком культурном контексте.

Таким образом, если целью ставится формирование российской идентичности у подрастающего поколения, то для ее достижения во главе угла следует размещать не этничность и не лояльность к государству в политическом измерении, а в первую очередь способность молодых людей вырабатывать непротиворечивое понимание исторических нарративов, формирующих систему поведенческих ориентаций.

В этом смысле культура может быть рассмотрена как память социальной системы [14. S. 240]. Развивая эту идею, мы полагаем, что российская идентичность – это в первую очередь культурная идентичность, которая в конечном итоге и определяет гражданскую и государственную идентичности российского общества в смысле лояльности / нелояльности к государственным и общественным институтам.

В понимании культурной идентичности мы отталкиваемся от подхода Я. Ассмана, согласно которому какой-либо (определенной) коллективной идентичности соответствует, ее обосновывая, и прежде всего воспроизводя, определенная культура [15. S. 140].

Одним из наиболее важных аспектов культурной идентичности является «культурная память». Я. Ассманн определяет «культурную память» как совокупную для каждого общества и эпохи особую стабильность повторного употребления текстов, образов и обычаев, поддерживая которые, они (общества) стабилизируют свой собственный образ и передают коллективно разделенное знание предпочтительно (но не исключительно) о прошлом, которое поддерживает сознание единства и особенности группы [16. S. 15]. Если отталкиваться от данной теории, то историческую память следует рассматривать как часть культурной памяти. Более того, историческая память «встроена» в культурную и во многих аспектах определяет политику «правильного» понимания исторических событий и оценки возникших культурных изменений. Политика исторической памяти предполагает «защиту» или «разрушение» устоявшихся систем понимания исторических процессов, событий и оценки роли культурных «героев» в истории группы. В целом речь идет о формировании культурного гражданства индивидов, которое поддерживается институтами государства и созвучно стратегии развития государства. В логике вышеприведенных рассуждений идентичность, возникающую на основе культурного гражданства, можно обозначить как культурно-государственную, с акцентом на оба составляющие термина. Это означает, что нам приходится иметь дело с культурно-государственным концептом российской идентичности, причем создателем этой идентичности и главным «идентификатором» видится само государство. Это происходит не потому, что государство само создает идентичности. Оно не может этого сделать. Однако оно обладает материальными, символическими и другими ресурсами,

формируя категории, классификации и другие виды социальной значимости, с которыми гражданам государства – учителям, врачам и другим служащим – приходится иметь дело. То есть идентификация может следовать более или менее анонимно через дискурсы и официальные нарративы [17. S. 407].

В логике данного рассуждения политический режим, формируя и стремясь контролировать процессы формирования исторической памяти в обществе, сам зависит от того, что смог создать. Фактически государство в лице конкретного политического режима выстраивает и контролирует культурную политику, которая в конечном итоге и обеспечивает политическую стабильность общества и государственных институтов.

«Очевидно, что манипуляции с коллективной памятью являются наиболее эффективными стратегиями в области „политики идентичности“, позволяющими создавать, уничтожать или корректировать те или иные образы прошлого, изменяя тем самым у социальной общности образ себя и окружающих» [18. С. 49].

Таким образом, всякий раз, когда мы говорим о российской идентичности (и возможных направлениях ее формирования), речь идет о сознательном конструировании культурной идентичности с опорой на методы «объективности», предложенные государственными (и общественными) структурами.

Эмпирическая база и методы

Для сбора информации применялся метод тематически-центрированного интервью и фокус-групп. Всего было проведено 4 фокус-группы с учениками 10–11-х классов и 40 тематически-центрированных интервью с учениками и учителями средних школ. Выборка формировалась методом «снежного кома».

Результаты исследования

Наиболее проблемной точкой при стабилизации собственного группового образа россиян является знание членов группы о прошлом, которое должно поддерживать единство группы. Различные трактовки целого ряда событий российской истории оставляют широкое поле для интерпретаций и выводов, которые проявились в ходе проведения фокус-групп и интервью. Основные линии расхождения проявляются в интерпретациях событий распада Российской империи и возникновения советского государства. Наиболее емко эти расхождения проявляются в терминологии, используемой в современных учебниках для описания данных исторических событий и в оценке действующих персонажей того времени, на что указывают большинство участников фокус-групп. Действительно, в ряде учебников по-прежнему используется термин «революция» [19]; другие авторы предпочитают оперировать термином «переворот» [20]. Ряд авторов вообще стараются избегать этих терминов, оперируя понятиями «приход к власти большевиков», «октябрьские события» и т.д. Также в разных ключах подаются исторические персонажи и периоды российской истории до событий 1917 г. и после них. Особенно отчетливо это проявляется в оценках деятельности создателя советского государства В.И. Ленина. Выделяется два диаметрально противоположных лагеря, в которых представлено разное понимание тех событий.

«Вот раньше много читали о Ленине. И сейчас я детям говорю про Ленина. Потому что то, что было, нельзя перечеркивать, и заслуги надо отмечать. И Ленин, и партия, и то, как мы жили, и 15 республик... Мы хорошо все равно жили» (жен., 64, 'учителя').

«Конечно, революция была не нужна нашей стране. Я считаю, что Ленин почти наверняка был завербован... Какой-нибудь немецкой разведкой... Я не знаю. Хотя раньше мы всегда расценивали его положительно. Но теперь, как оказалось, не очень-то он и положительный герой» (жен., 48, 'учителя').

Еще более заметна позиция «неприсоединившихся». Данная подгруппа старается избегать однозначной оценки деятельности В.И. Ленина и исторических персонажей того периода. Респонденты данной подгруппы отмечают, что достоверные данные по этому периоду им не известны и вполне возможно, что через некоторое время возникнет иная точка зрения. По-видимому, данная подгруппа пребывает в наибольшей растерянности, так как именно здесь можно встретить парадоксальные, на первый взгляд, высказывания, оценивающие негативно деятельность создателя советского государства и одновременно отмечающие военачальников Красной Армии как положительных героев.

«Пока мы учились в школе, в юности, мы считали, что Ленин положительный герой. Он был для нас примером для подражания. А потом, когда уже узнали, с какой целью была революция, то теперь он уже отрицательный. А вот если говорить о Гражданской войне, то Красная Армия воевала за правое дело. Вот Чапаев – положительный герой был. Буденный тоже положительный» (жен., 55, 'учителя').

Неоднозначность оценок политических персонажей данного периода, как и событий тех лет, самым непосредственным образом отражается на молодом поколении. В подавляющем большинстве молодые люди имеют более логичное представление, например, о Петровской эпохе, нежели о периоде распада Российской империи. Они транслируют похожие позиции, что и группа учителей, с той лишь разницей, что вместо подгруппы учителей, участники которой стремятся избежать подобных дискуссий, в группе учеников формируется подгруппа «ничего не знающих» об этих событиях или же считающих эти события неважными. Характерным является и общий явно невысокий уровень знаний о данном периоде.

«В школе говорят, что Ленин – он положительный герой, а некоторые учителя – что он отрицательный. А некоторые его вообще шпионом считают. Потому что когда была революция 1917 года, его из Германии прислали на поезде и еще ему денег дали. Думают, что он шпион был. Но, вроде, это факт не подтвержденный.

– А ты к чему склоняешься?

– (пауза)... Я не могу этого знать, я же не жила в то время» (жен., 18, 'ученики')

«Ленина я бы отнес скорее к положительным героям. Потому что он ничего такого плохого не сделал. Он был склонен больше к либеральным идеям. Он не стремился к террору, к революции. Он, конечно, идеолог был, но он мягче был как-то. Не как Сталин. Вот Сталина я бы отнес к отрицательным героям. Ну, больше в нем отрицательного. Хотя он, конечно, многое сделал для страны» (муж., 18, 'ученики').

Создается впечатление, что период возникновения советской власти воспринимается молодым поколением как «смутное время», события которого можно трактовать как угодно. И дело здесь не только в недостаточных знаниях. Главной проблемой видится отсутствие системной оценки данных событий и отсутствие понимания их значимости для молодых людей, что проявляется в уходе от обсуждения темы или объявления ее неважной. Проблема здесь видится в том, что «коллективно разделенное знание о прошлом», которое должно давать смысловой стержень идентичности, отсутствует, что, в свою очередь, уже сегодня имеет негативные последствия, которые, например, проявляются в размытости собственной идентификации молодежи с территорией, государством и социумом. Молодые люди подспудно ощущают, что изложение событий может в любой момент поменяться, поэтому выбирают стратегии поведения, не связанные, по их мнению, с проблемными трактовками истории своей страны, как и с самой страной.

«Все обычно говорили, мы должны любить свою страну, родину, заботиться о ней, заботиться о будущем поколении, поддерживать традиции своей страны, свою культуру, делать все возможное для развития страны. Ну, я не особо прислушивался, мне эта тема не очень интересна. Мне кажется, что вообще не стоило эту тему поднимать: для каждого это свое. Я сторонник глобалистских идей, что ли. Ну, я читал это в книгах, смотрел в фильмах и играл в игры про мировое сообщество... Станция Земля, никаких войн, войны закончились, все хорошо, все вышли в космос уже, бороздят просторы» (муж., 18, 'ученики').

Современные образовательные программы не предлагают непротиворечивый и исторически неразрывный нарратив, способный дать основу для идентичности подрастающего поколения. Например, молодежь призывают «любить родину, страну», не уточняя сути терминов. Поэтому вопрос о том, что именно нужно любить, остается открытым. В лучшем случае под «родиной» подразумевается место рождения; в худшем – не понимается вообще ничего, поскольку существующая ценностная схема оценки исторических периодов и исторических героев не предполагает цельного мировоззренческого и исторически непрерывного понимания России (как родины) как философского концепта, оперируя понятием «малая родина». Принятие данного термина подразумевает, что где-то должна быть и «большая родина», но это обычно остается за рамками обсуждения, как и вопрос о том, сколько «родин» может (должно) быть у человека и как к ней (ним) следует относиться.

Молодое поколение не воспринимает всю сложность палитры существующих оценок различных исторических перспектив понимания собственной страны, поэтому может склоняться к принятию любого предложенного нарратива. В этой связи общность идентичности, ее смысловой стержень выходят за рамки логического осмысления процесса и могут легко создаваться (уничтожаться) за относительно короткое время в молодежных группах в зависимости от используемого для этих целей концепта.

Результаты исследования показывают отчетливое противостояние разнонаправленных традиций понимания своей истории как в группе «учителей», так и в группе «учеников». В ряде случаев можно видеть попытки сочетания взаимоисключающих трактовок действий культурных героев и исторических событий. В рамках данной логики часть группы «учителей» легитимирует все

политические режимы, существовавшие ранее на территории России, упирая на то, что современные политики пытаются как раз примирить противостоящие исторические эпохи. Эта позиция находит свое подтверждение у некоторых исследователей, которые полагают, что политика идентичности в современной России приобрела конвенциональные свойства. «В основание официального „исторического облика“ России помещаются ценность патриотизма и принцип преемственности всех этапов российской истории» [21. С. 87].

Наибольшее количество вопросов здесь возникает в оценках ряда исторических персонажей, которые в настоящее время считаются «патриотами» России и оцениваются позитивно; явные идеологические и мировоззренческие противоречия, существовавшие между ними, затушевываются. Тот факт, что идеологических сторонников и противников создателей советского государства, как и сторонников и противников сохранения Российской империи (не только в виде абсолютной монархии), примирить невозможно, опускается из поля внимания. Между тем даже перезахоронения А.И. Деникина и И.А. Ильина в 2005 г. вызвали неоднозначную реакцию в обществе. Автор «Наших задач» считается одним из идеологов и вдохновителей Белого движения и антисоветской эмиграции, а генерал А.И. Деникин до конца своих дней позиционировал себя как последовательного противника советской власти. Поэтому попытки объединить советских и антисоветских исторических героев в единый континуум последовательных исторических событий не приводят к приемлемому объяснению сегодняшней ситуации, а лишь усугубляют проблему.

«Ведь же сейчас все по-другому рассказывают! Нас же как воспитывали: Колчак и все кто с ним – враги. А сейчас... не знаю.

– Сейчас Колчак подается как позитивный герой?

– Получается, что так. Он и дворянин, и был на стороне государства. Патриотом был. Да.

– А красные – тоже патриоты?

– Не знаю! Вот ведь всю историю перевернули! (с досадой). Теперь уже не знаю! Вот не хочется это обсуждать, понимаете?! По идее, они ведь тоже родину защищали... Но то же самое делали и с другой стороны. Не знаю я. Я ничего не понимаю. Хочется закрыться, уехать в глушь, забыть все и начать цивилизацию заново. Но это моя позиция. Я вообще от этого сильно устаю. Негатив сплошной» (жен., 43, 'учителя').

Основная тенденция видится в том, что многие преподаватели стремятся уйти от однозначных ответов и рекомендаций, будучи не в состоянии предложить молодым людям понятную систему оценок данного периода.

«На педсоветах историки говорят, что историю преподавать сейчас очень сложно. Сейчас другой взгляд на все это. Дают больше свободы детям, чтобы они сами что-то там домысливали, додумывали, дочитывали в каких-то дополнительных источниках» (жен., 45, 'учителя').

Тем не менее «додумывание» и «дочитывание» не приводит к более глубокому осмыслению ситуации, а, скорее, неоправданно упрощает ее. Как отмечают исследователи, «конструированию мифологических исторических образов и символов способствует фрагментарность восприятия исторического процесса, в особенности совсем недавнего (советского и постсоветского)

прошлого, характерная для молодого поколения, социализация которого пришлась на 1990-е гг. <...>. Многие школьные учителя истории при этом, не всегда понимая, что следует говорить о российской истории XX в., на всякий случай не говорили ничего» [22. С. 129].

Можно полностью согласиться с мнением авторов, заметив лишь, что данная ситуация характерна не только для молодежи 1990-х гг., но и сохраняет свою актуальность и сегодня.

«– Как вам рассказывают про эти события в школе?»

– Ну... (пауза) Не с одной точки зрения. Учителя не говорят, что кто-то хороший, а кто-то нет. Показывают нам разные точки зрения, показывают само содержание. Ну, конечно, кто-то навязывает... Но чаще говорят, что не судите по тому, что мы вам сказали. Не относитесь к определенным событиям только так, что красные или белые плохие и все. Но я все равно считаю, что красные плохие» (муж., 18, 'ученики').

Основная трудность здесь в том, что положения конвенциональной исторической политики, на которую ориентируют молодое поколение, предлагаются доктринально, в виде неких «нейтральных» позиций, для которых отсутствуют критерии оценок и схема анализа. Наиболее серьезная ошибка возникает тогда, когда предпринимается попытка оценить деятельность противников советского строя с позиции советской идеологии, советских ценностей и установок, не принимая во внимание, что в данном случае участники Белого движения и его идеологи а priori не могут интерпретироваться как положительные исторические персонажи. Как и наоборот: создатели советского государства вряд ли окажутся позитивными героями, если для их оценки использовать систему моральных императивов Российской империи.

Современное российское общество наследует культурные системы Российской империи и Советского Союза в равной степени. Однако они между собой не просто не совпадают, но имеют массу противоречий. Тем не менее в сегодняшнем российском обществе для оценки событий распада Российской империи и советских культурных героев произвольным образом используется культурный аппарат как советской, так и досоветской России, что является некорректным.

Выводы

Можно констатировать, что в современном российском обществе еще не возникло принципиально новой аналитической модели, позволяющей «объективно» оценить события и действия исторических персонажей периода распада Российской империи и становления СССР. Поэтому мы можем наблюдать произвольно выбранные трактовки действий культурных героев и оценку событий безотносительно к какой-либо из систем ценностей с акцентом на мифологии тех персонажей, которые создавали и укрепляли авторитет и могущество государства, вне зависимости от политического режима.

Сегодняшние образовательные программы не предлагают такую схему видения и анализа исторических трансформаций прошлых эпох, которая позволила бы получить неконфликтное восприятие общественных и политических разрывов. Они также не содержат убедительного объяснения того, в каком виде (и каким образом) должны быть представлены досоветский и советский периоды, дабы стабилизировать собственный групповой образ

подростающего поколения россиян и избавить их от навязываемого выбора «правильной стороны» в российской истории.

В этой связи внимание стоит обратить на отправные точки и методологию анализа прошедших эпох, на основании которых происходит актуальное «вспоминание» и возникает культурная память. Кажется, что именно здесь следует искать обоснование культурной неразрывности столь различающихся между собой в политическом смысле общественных систем Российской империи, СССР и Российской Федерации. Также именно здесь видится возможность преодоления сегодняшних точек расхождения в исторической политике и формирования у молодежи непротиворечивого образа прошлого.

Список источников

1. *Дробижеева Л.М.* Российская идентичность и толерантность межэтнических отношений: опыт 20 лет реформ // Вестник Института Кеннана в России. 2011. Вып. 20. С. 22–34.
2. *Санина А.Г., Павлов, А.В.* Государственная идентичность: содержание понятия и постановка проблемы // Управленческое консультирование. 2015. № 9. С. 30–40.
3. *Мальгина И.В.* Методологические дискурсы этнокультурной идентичности: ресурс взаимодополнительности // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 5. С. 219–224.
4. *Багдасарова А.Б., Попов М.Е.* Гражданская и этнокультурная идентичность в образовательном пространстве современной России // Обсерватория культуры. 2007. № 2. С. 110–114.
5. *Гофман А.Б.* В поисках утраченной идентичности: традиции, традиционализм и национальная идентичность // Вопросы социальной теории. 2010. Т. 4. С. 241–254.
6. *Дробижеева Л.М.* Российская идентичность и толерантность межэтнических отношений: опыт 20 лет реформ // Вестник Института Кеннана в России. 2011. Вып. 20. С. 22–34.
7. *Мальгина И.В.* Методологические дискурсы этнокультурной идентичности: ресурс взаимодополнительности // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 5. С. 219–224.
8. *Багдасарова А.Б., Попов М.Е.* Гражданская и этнокультурная идентичность в образовательном пространстве современной России // Обсерватория культуры. 2007. № 2. С. 110–114.
9. *Смирнова О.А., Золина Д.М.* Культурная безопасность российского общества на современном этапе // Этнопанорама. 2011. № 3-4 (29). С. 81–85.
10. *Хоперская Л.Л.* Этнополитическая идентичность как фактор реорганизации политического пространства на Северном Кавказе // Этнопанорама. 2011. № 3-4 (29). С. 11–16.
11. *Морзавченков Г.А.* Критерии этнокультурной идентичности в условиях глобализации // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Сер. Социальные науки. 2010. № 1 (17). С. 139–142.
12. *Барт Ф.* Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий. М. : Новое издательство, 2006. 199 с.
13. *Brubaker R.* Ethnizität ohne Gruppen. Hamburg : Hamburger Edition, 2007. 343 S.
14. *Luhman N.* Kultur als historischer Begriff // Kultursoziologie. Klassische Texte – Aktuelle Debatten / F. Adloff, S.M. Büttner, S. Moebius, R. Schützeichel (Hg.). Frankfurt ; New York : Campus Verlag, 2014. S. 231–243.
15. *Assmann J.* Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in früheren Hochkulturen. München : Verlag C.H. Beck, 6. Auflage, 2007. 344 S.
16. *Assmann J.* Kollektives Gedächtnis und kulturelle Identität // Kultur und Gedächtnis / Assmann & Hölischer (Hg.). Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1988. S. 9–19.
17. *Brubaker R.; Cooper F.* Über Identität hinaus // Kultursoziologie. Klassische Texte – Aktuelle Debatten / F. Adloff, S.M. Büttner, S. Moebius, R. Schützeichel (Hg.). Frankfurt ; New York : Campus Verlag, 2014. S. 397–421.
18. *Васильев А.Г.* Культурная память / забвение и национальная идентичность. Теоретические основания анализа // Культурная память в контексте формирования национальной идентичности России в XXI веке / отв. ред. Н.А. Кочеляева. М. : Совпадение, 2015. С. 29–57.
19. *Паишков Б.Г.* История России. XX век. 9-й класс : учебник для общеобразовательных учебных заведений. 2-е изд. М. : Дрофа, 2002. 416 с.
20. *Шестаков В.А.* История России, XX – начало XXI века. 11-й класс : учебник для общеобразовательных учреждений / под ред. А.Н. Сахарова. М. : Просвещение, 2012. 399 с.

21. Тутов В. В. Политика памяти и формирование национально-государственной идентичности: российский опыт и новые тенденции. М. : Ваш формат, 2017. 184 с.

22. Евгеньева Т.В., Тутов В.В. Образы прошлого в российском массовом политическом сознании: мифологическое измерение // Политическая наука. 2017. № 1. С. 120–137.

References

1. Drobisheva, L.M. (2011) Rossiyskaya identichnost' i tolerantnost' mezhetnicheskikh otnošeniy: opyt 20 let reform [Russian identity and tolerance of inter-ethnic relations: experience of 20 years of reforms]. *Vestnik Instituta Kennana v Rossii*. 20. Pp. 22–34.

2. Sanina, A.G. & Pavlov, A.V. (2015) State Identity: Towards the Definition of a Concept and Problem Statement. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie – Administrative Consulting*. 9. pp. 30–40. (In Russian).

3. Malygina, I.V. (2015) Methodological Discourses of Ethnocultural Identity: Complementarity Resource. *Yaroslavskiy pedagogicheskii vestnik – Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. 5 pp. 219–224. (In Russian).

4. Bagdasarova, A.B. & Popov, M.E. (2007) Civic and ethnocultural identity in the educational space of modern Russia. *Observatoriya kul'tury – Observatory of Culture*. 2. pp. 110–114. (In Russian).

5. Goffman, A.B. (2010) In search of the lost identity: traditions, traditionalism and national identity. *Voprosy sotsial'noy teorii*. 4. pp. 241–254. (In Russian)

6. Drobisheva, L.M. (2011) Rossiyskaya identichnost' i tolerantnost' mezhetnicheskikh otnošeniy: opyt 20 let reform [Russian identity and tolerance of inter-ethnic relations: experience of 20 years of reforms]. *Vestnik Instituta Kennana v Rossii*. 20. pp. 22–34. (In Russian)

7. Malygina, I.V. (2015) Methodological discourses of ethnocultural identity: a resource of complementarity. *Yaroslavskiy pedagogicheskii vestnik – Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. 5 pp. 219–224. (In Russian).

8. Bagdasarova, A.B. & Popov, M.E. (2007) Civic and ethnocultural identity in the educational space of modern Russia. *Observatoriya kul'tury – Observatory of Culture*. 2. pp. 110–114. (In Russian).

9. Smirnova, O.A. & Zolina, D.M. (2011) Cultural safety of the Russian society at the present stage. *Etnopanorama*. 3-4(29). pp. 81–85. (In Russian).

10. Khoperskaya, L.L. (2011) Ethnopolitical identity as a factor in the reorganization of political space in the North Caucasus. *Etnopanorama*. 3-4(29). pp. 11–16. (In Russian).

11. Morzavchenkov, G.A. (2010) Kriterii etnokul'turnoy identichnosti v usloviyakh globalizatsii [Criteria for ethnocultural identity in the context of globalization]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya Sotsial'nye nauki – Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences*. 1(17). pp. 139–142.

12. Barth, F. (2006) *Etnicheskie gruppy i sotsial'nye granitsy. Sotsial'naya organizatsiya kul'turnykh razlichiy* [Ethnic Groups and Boundaries. The Social Organization of Cultural Differences]. Translated from English. Moscow: Novoe izdatel'stvo.

13. Brubaker, R. (2007) *Ethnicität ohne Gruppen*. Hamburg: Hamburger Edition.

14. Luhman, N. (2014) Kultur als historischer Begriff. In: Adloff, F., Büttner, S.M., Moebius, S. & Schützeichel, R. (eds) *Kultursoziologie. Klassische Texte – Aktuelle Debatten*. Frankfurt/New York: Campus Verlag. pp. 231–243.

15. Assmann, J. (2007) *Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in früheren Hochkulturen*. München: C.H. Beck.

16. Assmann, J. (1988) Kollektives Gedächtnis und kulturelle Identität. In: Assmann, J. & Hölscher, T. (eds) *Kultur und Gedächtnis*. Frankfurt am Main: Suhrkamp. pp. 9–19.

17. Brubaker, R. & Cooper, F. (2014) Über Identität hinaus. In: Adloff, F., Büttner, S.M., Moebius, S. & Schützeichel, R. (eds) *Kultursoziologie. Klassische Texte – Aktuelle Debatten*. Frankfurt/New York: Campus Verlag. pp. 397–421.

18. Vassiliev, A.G. (2015) Kul'turnaya pamyat'/zabvenie i natsional'naya identichnost'. Teoreticheskie osnovaniya analiza [Cultural memory/oblivion and national identity. Theoretical bases of the analysis]. In: Kochelyaeva, N.A. (ed.) *Kul'turnaya pamyat' v kontekste formirovaniya natsional'noy identichnosti Rossii v XXI veke* [Cultural memory and national identity in Russia in the 21st century]. Moscow: Sovpadenie. pp. 29–57.

19. Pashkov, B.G. (2002) *Istoriya Rossii. XX vek. 9 klass. Uchebnik dlya obshcheobrazovatel'nykh uchebnykh zavedeniy* [History of Russia. Twentieth century. Grade 9. Textbook for General Educational Institutions]. 2nd ed. Moscow: Drofa.

20. Shestakov, V.A. (2012) *Istoriya Rossii, XX – nachalo XXI veka. 11 klass. Uchebnik dlya obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdeniy* [History of Russia, The 20th – early 21st century. Grade 11. Textbook for General Educational Institutions]. Moscow: Prosveshhenie.

21. Titov, V.V. (2017) *Politika pamyati i formirovanie natsional'no-gosudarstvennoy identichnosti: rossiyskiy opyt i novye tendentsii* [Memory policy and formation of national-state identity: Russian experience and new trends]. Moscow: Vash format.

22. Evgenieva, T.V. & Titov, V.V. (2017) *Obrazy proshlogo v rossiyskom massovom politicheskom soznanii: mifologicheskoe izmerenie* [Images of the past in the Russian mass political consciousness: a mythological dimension]. *Politicheskaya nauka*. 1. pp. 120–137.

Сведения об авторах:

Попков В.Д. – доктор социологических наук, доктор философии (Берлинский технический университет), директор Института социальных исследований и аналитики (Калуга, Россия); профессор кафедры «Менеджмент» Института управления, бизнеса и технологий (Калуга, Россия). E-mail: v-831p@yandex.ru

Попкова Е.А. – кандидат филологических наук, доцент Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (Калуга, Россия). E-mail: ekaterina-a-popkova@yandex.ru

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Viacheslav D. Popkov – Institute of Social Research and Analytics; Professor of the Department of Management at the Institute of Management, Business and Technology (Kaluga, Russian Federation). E-mail: v-831p@yandex.ru

Ekaterina A. Popkova – All-Russian State University of Justice, Kaluga Branch (Kaluga, Russian Federation). E-mail: ekaterina-a-popkova@yandex.ru

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 31.05.2021;
одобрена после рецензирования 24.01.2022; принята к публикации 03.03.2022*

*The article was submitted 31.05.2021;
approved after reviewing 24.01.2022; accepted for publication 03.03.2022*